

КОНЕЦ АЗЕРОТА БЛИЗОК.

Азерот умирает.

Общими силами Орда и Альянс одержали победу над демоническим Пылающим Легионом, но глубоко в недрах мира зреет небывалая катастрофа. Меч Саргераса смертельно ранил Азерот в самое сердце — таким было последнее злодеяние павшего титана.

У Андуина Ринна, короля Штормграда, и у Сильваны Ветрокрылой, вождя Орды и королевы Отрекшихся, почти нет времени ни на восстановление уцелевшего в страшной войне, ни на скорбь по утраченному. Из колоссальной раны, нанесенной Азероту, течет вверх таинственный минерал под названием азерит. В достойных руках странное золотистое вещество способно творить великие чудеса созидания, попав в несправедные руки — станет причиной немислимых разрушений.

Пока силы Орды и Альянса стремятся поскорее раскрыть тайны азерита и исцелить умирающий мир, Андуин приводит в действие отчаянный план с целью установить между Альянсом и Ордой прочный мир. Между тем азерит угрожает нарушить равновесие сил, и, чтобы добиться успеха, без доверия Сильваны Андуину не обойтись. Но у Темной Госпожи, как обычно, имеются свои темные замыслы. Чтобы примирение стало возможным, необходимо покончить с давней кровопролитной враждой. Но есть на свете ряд истин, которые не желает принять ни одна из сторон, и амбиции, от которых никто не хочет отказываться.

К тому же, Орда и Альянс осознают силу азерита, и затухший, но не угасший конфликт грозит перерасти в новую войну — войну, способную обречь на гибель весь Азерот.

Посвящается тем, кто работал над этой книгой
и положил все силы на то, чтобы сделать ее
как можно лучше:

Тому Хоулеру, моему редактору из *Del Rey*,
Кейт Гэри, редактору из *Blizzard*,
работающей совсем
рядом со мной;
Алексу Афрасиаби, творческому директору
World of Warcraft.

Огромное вам спасибо за любовь к миру
World of Warcraft
и его персонажам,
за внимание к мельчайшим деталям и общей картине,
за то, что проделали этот путь вместе со мной,
и за неуклонное стремление сделать «Перед бурей»
как можно совершеннее.

ЛОРДЕРОН

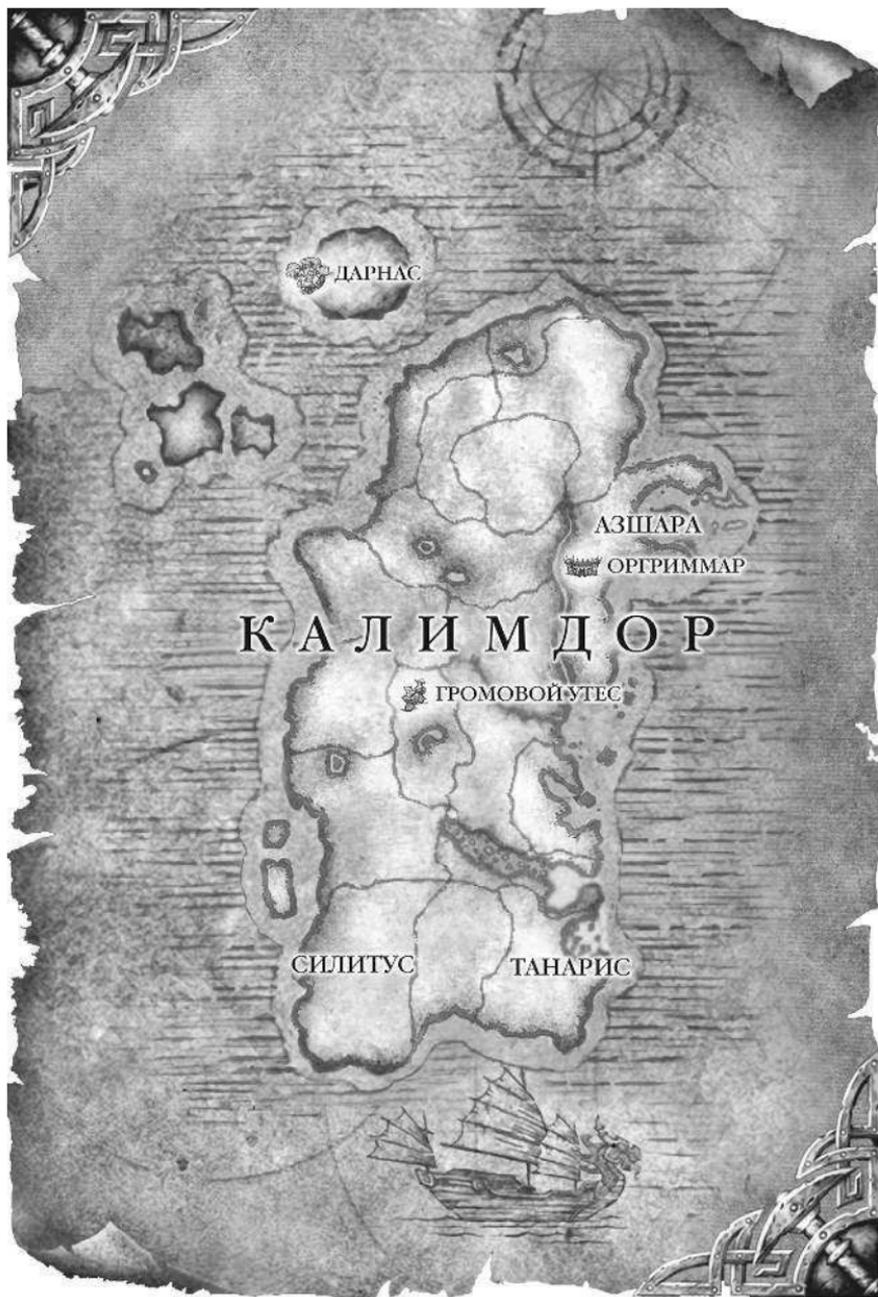
 ПОДГОРОД

ВОСТОЧНЫЕ НАГОРЬЕ
АРАТИ

КОРОЛЕВСТВА

 СТАЛЬГОРН

 ШТОРМГРАД

ДАРНАС

АЗШАРА

ОРГРИММАР

КАЛИМДОР

ГРОМОВОЙ УТЕС

СИЛИТУС

ТАНАРИС

Кеззиг Хлопсвист поднялся с того места, где словно бы простоял на коленях не меньше десятка лет, с усилием разогнулся и уперся широченными зелеными ладонями в поясницу. Ответом ему был долгий, жалобный хруст позвонков. Страдальчески скривившись, Кеззиг облизнул пересохшие губы, промокнул лысину заскорузлым от пота носовым платком, прищурился от слепящих солнечных лучей и огляделся. Там и сям в воздухе клубились, зудели плотные тучи насекомых. И, конечно, песок — повсюду песок, и большая часть его к концу дня наверняка окажется в подштанниках. Совсем как вчера. И позавчера.

Силитус был местом на редкость гадким от самого начала времен.

И гаргантюанский меч, вонзенный в него разгневанным титаном, окрестных видов ничуть не улучшал.

Эта штука была громадна. Необъятна. Колоссальна. И все прочие красивые, заковыристые, длинные слова, что мог бы наворотить по ее поводу гоблин поумнее Кеззига. Клинок вошел в мир глубоко, до са-

мого сердца, прямо здесь, среди живописных пейзажей Силитуса. Одна радость: чудовищный артефакт во множестве порождал то самое, что в данный момент требовалось и Кеззигу, и еще этак сотне гоблинов.

— Джиксил! — окликнул он товарища, обследовавшего очередной висячий камень при помощи «Спект-о-Матик 4000».

— Чего?

Вчитавшись в показания прибора, второй гoblin, чуть меньше Кеззига ростом и чуть шире в плечах, покачал головой и предпринял новую попытку.

— Ненавижу это место.

— Да ну? Странно... оно о тебе говорит только хорошее.

Сощурившись, Джиксил вновь взглянул на показания прибора и от души хрястнул по нему кулаком.

— Ха-ха, очень смешно, — буркнул Кеззиг. — А я вот не шучу.

Джиксил вздохнул, доковылял до следующего камня и принялся обследовать его.

— Кеззиг, мы *все* ненавидим это место.

— А я — сильнее прочих. Не приспособлен я для такой обстановки. Я привык работать в Зимних Ключах. Я — из гоблинов снеголюбивых, мне бы с мороза — да к очагу, да в веселую компанию...

Джиксил метнул в него испепеляющий взгляд.

— Что ж тебе помешало остаться там? И здесь мне не досаждать?

Кеззиг скривился и почесал в затылке.

— Маленькая мисс Лунникса Буксуй, вот что. Я, понимаешь, работал в ее лавке товаров для горного дела. А порой подрабатывал, показывая заезжим

покупателям наш милый маленький Круговзор. Ну, вроде гида. И мы с Лунни вроде как... Ну да.

На лице Кеззига мелькнула ностальгическая улыбка, тут же сменившаяся сердитой гримасой.

— А потом она как заметила, что я околачиваюсь вокруг Канкан... и началось!

— Канкан, — ровным голосом повторил Джиксил. — Так-так. И с чего бы это Лунниксе расстраиваться? Ну, околачиваешься ты вокруг девицы по имени Канкан — подумаешь, большое дело.

— Знаю, знаю, не начинай! В Круговзоре холодно. Нужно время от времени погреться у огня, иначе замерзнешь, верно? И вдруг — раз, и сделалось жарче, чем здесь в полдень.

— Нет, тут ничего не найдем, — сказал Джиксил, очевидно, больше не слушая рассказа о бедственном положении Кеззига в Зимних Ключах.

Вздохнув, Кеззиг поднял вьюк с оборудованием и снаряжением, легко взвалил его на плечи и поволол туда, где Джиксил надеялся добиться позитивных результатов. Там он сбросил груз на землю. Тонкое оборудование внутри откликнулось тревожным лязгом.

— Терпеть не могу песок, — продолжал он. — Терпеть не могу солнце. А уж как мух и прочих букашек ненавижу — словами не описать. Мелких — за то, что любят забираться в уши и нос. Больших... больших — за то, что большие. Нет, конечно, их не любит никто. Всеобщая, так сказать, неприязнь. Но моя личная ненависть к ним пылает жарче тысячи солнц!

— А я думал, ты не любишь солнца.

— Верно, но я...

Внезапно Джиксил замер и вытаращил красные глаза, глядя на «Спект-о-Матик».

— Но я-то хотел сказать, что...

— Заткнись, идиот! — зарычал Джиксил.

Тут уж на прибор уставился и Кеззиг.

«Спект-о-Матик» словно свихнулся. Тонкая стрелка бешено заметалась из стороны в сторону, посреди кожуха тревожно, отчаянно заморгал красный огонек.

Гоблины переглянулись.

— Понимаешь, что это значит? — дрожащим голосом спросил Джиксил.

Губы Кеззига дрогнули, обнажая в улыбке почти все его желтые острые зубы. Сжав пальцы в кулак, он звонко ударил им о ладонь.

— Это значит, — сказал он, — что нам пора избавляться от конкурентов.

Печальные толпы шли к Покою Льва под проливным дождем. Казалось, само небо оплакивает тех, кто отдал жизнь за победу над Пылающим Легионом. Андуин Ринн, король Штурмграда, стоял в нескольких шагах от возвышения, с которого ему вскоре предстояло держать речь перед скорбящими всех рас Альянса. Он молча смотрел на прибывающих. Растроганному их видом, ему отчаянно не хотелось ничего говорить. Пожалуй, эта церемония отдания павшим последних почестей обещала стать самым трудным делом в его относительно недолгой жизни, и не только из-за прочих скорбящих, но и из-за собственной скорби: ведь она должна была состояться под сенью пустой могилы отца. Да, Андуин повидал много — слишком много траурных церемоний в память о павших в битвах. И всякий раз — как, несомненно, любой добрый правитель — надеялся и молился, что эта будет последней.

Надежды не сбылись ни разу.

Враги неизменно являлись вновь и вновь. Иногда — совершенно новые, незнакомые, возникшие словно бы из ниоткуда. Иногда — невероятно древние, давным-давно закованные в цепи либо погребенные и считавшиеся обезвреженными, вернувшиеся в мир после тысячелетий молчания, чтобы опять сеять среди мирных жителей ужас и смерть. Порой же враг был прекрасно знаком, но от этого не менее грозен.

«Как же отец раз за разом справлялся с подобными вызовами? — недоумевал Андуин. — Как устоял перед натиском дед?» Конечно, сейчас настали времена относительного затишья, но новый враг и новый вызов, вне всякого сомнения, не заставят себя ждать.

Смерть постигла Вариана Ринна совсем недавно, но сыну великого короля казалось, будто с тех пор прошла целая жизнь. Вариан пал в первом же настоящем бою последней войны, войны с Легионом — и, по всей видимости, причиной его гибели были не только чудовищные злобные твари, извергнутые Круговертью Пустоты, но и измена предполагаемой союзницы, Сильваны Ветрокрылой. Правда, еще одно сообщение — причем от того, кому Андуин вполне доверял — противоречило этой версии, наводя на мысли о том, что у Сильваны просто не оказалось иного выхода. Андуин не знал, что и думать. Воспоминания о хитрой и коварной предводительнице Орды, как всегда, вызвали злобу, и Андуин, как всегда, воззвал к Священному Свету, моля ниспослать ему спокойствие духа. Держать в сердце ненависть, пусть даже к вполне заслуживающему ненависти врагу... что в этом толку? Отца это не вернет. Что ж, по крайней мере легендарный воин погиб в бою, и его гибель спасла множество жизней...

А заодно сделала принца Андуина Ринна королем.

С одной стороны, к королевскому трону Андуин готовился всю свою жизнь. Готовился, но все же прекрасно понимал, что в другом отношении, причем очень важном, на самом-то деле править был не готов. А может быть, не готов и до сих пор: слишком уж велик был отец — и не только в глазах юного сына, но и в глазах своего народа, и даже в глазах врагов.

Получивший за ярость в битве прозвище «Ло'Гош», что означало «Призрачный Волк», Вариан был не просто могучим воином, с которым никто не сравнится в бою. Он был выдающимся правителем. В первые недели после трагической смерти отца Андуину пришлось положить все силы на то, чтоб успокоить потрясенный, убитый горем, взволнованный утратой народ, отказав в праве на скорбь самому себе.

Все горевали по Волку. Он, Андуин, горевал по человеку.

И ночью, лежа в постели, не в силах уснуть, часто думал: сколько же демонов потребовалось, чтоб одолеть короля Вариана Ринна?

Однажды он поделился этой мыслью с Генном Седогривом, королем павшего Гилнеаса, сделавшимся советником юного монарха. В ответ старик улыбнулся, несмотря на печаль, угнездившуюся во взгляде.

— Все, что я могу тебе сказать, мой мальчик: прежде, чем твоего отца одолели, он в одиночку уложил самого большого сквернобота, какого я когда-либо видел, и спас воздушное судно, полное отступавших солдат. Я точно знаю: Вариан Ринн заставил Легион дорого заплатить за свою смерть.

В этом Андуин и не сомневался. Конечно, этого было мало, но — уж что есть, то есть.